

была, не могла не появиться во время «розмирия», в 1374—1380 гг. Но могла, как мы видели, до сих пор оставаться неувиденной, непонятой исследователями (в этом можно видеть успех редактора: ведь и князь не должен был догадаться о переделке летописи).

5

Некоторые наблюдения о технике создания мозаичного повествования о Батыевом нашествии.

1. Как можно было видеть, текст заимствованных мест в повести в целом ряде случаев ближе к чтениям Радзивиловского и Академического списков (далее мы будем обозначать их как Р и А), нежели текст соответствующих статей самой Лаврентьевской летописи. Так, на л. 161 (см. выше, пункт 6) находим текст, которого нет под 1203 г. в Лаврентьевской (пропущен), но есть в Радзивиловском списке. Далее, например, в статье 941 г. Лаврентьевской: «воеваху... до»; в том же месте РА: «пленоваху... и до», и в рассказе о Батыевом завоевании: «плѣноваху и до». В статье 1093 г. Лаврентьевской: «бысть плачь велик в градѣ»; в статье 1237 г. и в РА: «бысть плачь велик в градѣ». В статье 1175 г.: «омывшеса», а в статье 1237 г. и в РА: «омыся». В статье 1125 г.: «отпущаше я одарены», а в статье 1239 г. и в РА «отпущаше одарены». В статье 1185 г.: «не предажь нас», а в статье 1239 г. и в РА: «не предаи же нас». Эти примеры (их можно значительно умножить, см. примечания 7, 10, 11, 12, 13, 14, 18, 20, 22) бесспорно показывают, что редактор или редакторы пользовались в своей работе над повестью о Батыевом нашествии не предшествующей частью Лаврентьевской летописи, а какой-то другой летописью, чтения которой иногда отличались от Лаврентьевской (не были, однако, полностью тождественны и с Р и А). Возможны два варианта: либо Лаврентий, обращаясь к тому же самому источнику, что и раньше, делал здесь меньше ошибок и потому передавал текст этого источника более точно, чем прежде, либо перед ним лежала не одна «книга» и в данном случае он прибег к другому списку летописи. (Допускаю, что специальное исследование могло бы показать, как обстояло дело).

2. Редакторы очень спешили. Только этим можно объяснить и то, что нам удастся понять «технологию» переделки рассказа, т. е. сам факт компиляции и ту небрежность, с какой проделана эта работа. Так, в одной из переписанных фраз (пункт 5) отсутствует сказуемое: «да негли встягнувшеса от пути своего злаго», тогда как в статье 1093 г. и в РА читаем: «да негли встягнувшеса вспомянемся от злаго пути своего». В другом случае (пункт 7) допущена явная бессмыслица: «И се нам сущюю радость скорбь...», тогда как в статье 1093 г. и в РА: «нанесе нам сущюю рать и скорбь...». В третьем же случае (пункт 12) списанным оказался потерявший смысл отрывок фразы: «Всяк зломысл его», тогда как в статье 1125 г. и в РА читается стройная фраза: «Вся бо зломыслы его вда бог...».

Наше умозаключение не может измениться от предположения, что в том списке летописи, откуда черпал редактор подходящий материал, были уже допущены эти бессмыслицы: если бы Лаврентий и его сотрудник не спешили, они могли бы заметить то, что замечаем мы, и исправить если не по другому списку, то по предшествующей части самой Лаврентьевской летописи. Но вот пример бессмыслицы, явно созданной самим редактором. Используя для похвалы Юрия Всеволодича относящиеся к Андрею Боголюбскому фразы, где писатель обыгрывает имя «Андрей» (по-гречески «мужественный»): «Андрѣю, мужьству тезоимените», Лаврентий, не за-